
ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

УДК 347

DOI: 10.31249/iajpravo/2026.02.16

КРЫСАНОВА Н.В.¹ ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ КАК ОБЪЕКТ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ (Обзор)

Аннотация. В обзоре рассматриваются отдельные вопросы правового регулирования оборота цифровых финансовых активов в российском законодательстве. Поднимаются проблемы определения и соотношения различных их видов, а также сложности обращения криптовалют. Анализируются точки зрения и предложения исследователей на сущность и оборот таких нетрадиционных типов цифровых финансовых активов, как криптовалюта, токены. В обзоре анализируются точки зрения российских ученых-цивилистов на понятие, сущность и оборот цифровых финансовых активов, их типы, природу, проблемы законодательного регулирования.

Ключевые слова: криптоактивы; цифровые финансовые активы; цифровые права; токены; цифровая валюта; обращение криптовалют.

KRYSANOVA N.V. Digital Financial Assets as an Object of Civil Law Regulation (Review)

Abstract. The review examines certain issues of legal regulation of the turnover of digital financial assets in Russian legislation. The problems of defining and correlating their various types, as well as the complexity of the circulation of cryptocurrencies, are being raised. The points of view and proposals of researchers on the essence and turnover of such non-traditional types of digital financial assets as cryptocurrencies and tokens are analyzed. The review analyzes the points of view of

¹Крысанова Нина Владимировна, старший научный сотрудник отдела правоповедения ИНИОН РАН, кандидат юридических наук.

Russian civil scientists on the concept, essence and turnover of digital financial assets, their types, nature, and problems of legislative regulation.

Keywords: cryptoassets; digital financial assets; digital rights; tokens; digital currency; cryptocurrency circulation.

Для цитирования: Крысанова Н.В. Цифровые финансовые активы как объект гражданско-правового регулирования (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: ИАЖ. Сер. 4: Государство и право. – 2026. – № 2. – С. 216–227. – DOI: 10.31249/iajpravo/2026.02.16

Введение

Цифровизация современного мира затрагивает в первую очередь оборот финансовых потоков как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Появление значительного количества новых финансовых средств вызывает необходимость реагирования государств на эти явления. По оценкам экспертов, объем рынка только цифровых финансовых активов в 2025 г. превышает 1 трлн руб., а объем рынка всех виртуальных активов на порядок превышает это значение¹. Сами же цифровые активы представляют собой сложное юридическое явление, обладающее следующими признаками: они не имеют материально-вещественной формы; наделяются уникальным идентификационным номером (ключом или адресом); запись о владении и совершении операций с ними содержится в распределенном реестре (для криптовалют и токенов).

Термин «виртуальные активы» применяется Группой разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (Financial Action Task Force) (далее – ФАТФ), использующей англоязычный термин *virtual assets*, что переводится как виртуальные, или цифровые, активы. Под этим термином ФАТФ подразумевает «цифровое представление стоимости, которое может быть предметом цифровой торговли или передачи и может использоваться в целях оплаты или инвестирования»². В данном случае круг явлений, подпадающих

¹ Цифровые финансовые активы: обзор рынка в 2025 г. – URL: <https://sbercib.ru/publication/tsifrovie-finansovie-aktivi-obzor-rinka-v-2025-godu> (дата обращения: 01.02.2026).

² FATF (2019), *Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers*, FATF, Paris. – URL: www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Guidance-RBA-virtual-assets.html (дата обращения: 01.02.2026).

под данное определение, значительно сужается. Фактически речь идет о цифровых аналогах денежных средств. Подобное сужение обусловлено практической ориентацией – необходимо для разработки рекомендаций по внедрению рискориентированного подхода при работе с цифровыми активами.

Согласно другому подходу, «виртуальные активы» представляют собой объекты гражданского права, существующие благодаря технологиям распределенного реестра (блокчейн) и специализированному программному обеспечению (протоколам). Такие активы обладают материальной ценностью, позволяют заключать сделки купли-продажи, осуществляют передачу прав собственности третьим лицам и возможность извлекать прибыль [5, с. 118]. Однако многие категории виртуальных активов, считает Э.Х. Рахимов, остаются неопределенными и зачастую оказываются вне правового поля, что может негативно сказываться на защите прав их владельцев. Поэтому главной проблемой обращения виртуальных активов заключается в отсутствии надежных доказательств принадлежности этих активов определенному владельцу. Обычно единственным подтверждением является доступ к электронному кошельку с использованием ключа или пароля. Однако такая информация легко может оказаться доступной другому человеку без согласия владельца, что создает риски возникновения споров относительно правомерности сделок и возможности вынесения неверных судебных решений [5, с. 120].

Цифровые права, в соответствии со ст. 128 ГК РФ, относятся к объектам гражданских прав, а в ст. 141.1 ГК РФ закреплено их определение, в соответствии с которым под цифровыми правами понимаются права (в том числе обязательственные), признанные таковыми в законодательстве. Их содержание и порядок использования определяются правилами информационной системы, в которой они существуют. Все операции – от реализации и распоряжения до передачи, залога, обременения или ограничения распоряжения – проводятся исключительно внутри этой системы, минуя третьих лиц.

Цифровые права и виртуальные активы можно объединить одним, родовым, понятием – *цифровые активы*. При этом единый подход к его определению ни в мировой, ни в отечественной научной среде до сих не был разработан. В широком смысле под цифровыми активами понимаются «любые объекты, которые создаются и хранятся в цифровом виде, могут быть индивидуально идентифицированы, а также наделены определенной ценностью»

[4, с. 169]. В соответствии с указанным подходом, считает А.А. Недров, цифровым активом может считаться практически любая информация в цифровом виде: фотографии, документы, книги, игровые аккаунты, веб-адреса и т.д. Развитие криптографии, в частности появление блокчейн-технологии, привело к выделению особого класса цифровых активов: невзаимозаменяемых токенов, криптовалют, цифровых валют центральных банков и подобных им [там же].

Несколько иной подход использован в Модельном законе о цифровых финансовых активах¹, в п. 1 ст. 4 которого содержится конкретный перечень объектов, отнесенных к цифровым активам: «инвестиционный токен, в том числе цифровой финансовый актив и утилитарное цифровое право; криптовалюта, в том числе централизованная и децентрализованная; цифровые предметы виртуальной, в том числе игровой, и дополненной реальности; а также иные цифровые активы, признаваемые таковыми национальным законодательством».

Однако и это определение допускает расширительное толкование. В связи с этим возникают проблемы отнесения тех или иных объектов к цифровым активам, а, следовательно, проблема правового регулирования отношений, связанных с их применением. Как отмечают ученые-цивилисты, главной сложностью для правового регулирования общественных отношений, возникающих по поводу использования цифровых активов, является их многообразие, а как следствие – отсутствие четкого понимания границ регулируемого объекта. Выработка отдельных правовых режимов для каждого нового явления приведет к чрезмерному усложнению нормативной базы. В связи с этим первоочередной задачей, по мнению А.А. Недрова, является системное осмысление основных категорий цифровых активов, определение их ключевых характеристик и составление единой классификации [4, с. 169].

Предполагается, что одной из ключевых характеристик, отличающих цифровые активы от множества цифровых инструментов, является наличие у них уникального идентификатора, который удостоверяет их подлинность. Таким образом реализуется механизм защиты актива от постороннего доступа и фиксируется

¹ Модельный закон о цифровых финансовых активах (утвержден 14.04.2023 в г. Санкт-Петербурге постановлением 55–11 на 55-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). – URL: https://iacis.ru/mod_file/p_file/1111 (дата обращения: 12.02.2026).

набор прав создателя либо собственника. Сами же цифровые активы следует определять исходя из их смешанной экономико-правовой природы, а также с учетом технологических особенностей. То есть, *цифровые активы* – это «вид экономических активов, имеющих нематериальную природу и цифровую форму, созданных с помощью цифровой технологии, проявляющих свою ценность (стоимость) в информационной системе и способных к гражданскому (имущественному) обороту» [4, с. 170].

Ученые и практики выделяют *три основных типа цифровых активов*. *Криптовалюты*: активы, функционирующие на принципах децентрализации и анонимности. Они существуют вне рамок традиционных банковских систем и обеспечиваются механизмом – криптографическим алгоритмом (например Bitcoin, Ethereum). *Токены*: цифровые единицы учета, выпускаемые специализированными компаниями для привлечения инвестиций либо предоставления определенных благ владельцам токенов (например, акции компаний, выпущенные в электронном виде). *Цифровые деньги*: формы электронных денег, хранящиеся в специализированных платежных системах (Яндекс. Деньги, WebMoney и др.). Помимо этого существуют виртуальные активы, например цифровые товары в компьютерных играх и социальных сетях, внутриигровая валюта, бонусы, баллы, мили в различных программах лояльности [5, с. 119].

Правовое определение цифровых финансовых активов

Высокие темпы технического прогресса сопряжены с появлением разнообразных цифровых активов, которые могут как дублировать функции уже существующих инструментов (например, ценных бумаг, договоров займа, депозитных счетов) в виртуальном пространстве, так и комбинировать или существовать в новых формах. Распространение цифровых финансовых технологий и появление значительного количества новых финансовых активов вызывают опасения по поводу их влияния на финансовую стабильность государств. Так, сегодня в мире существует более 17 тыс. криптовалют, и у каждой из них есть свои особенности и варианты использования. Это привело, как замечает С.В. Лемайкина, к необходимости создания нормативной правовой базы для регулирования использования цифровых финансовых активов, включая регулирование криптовалют. Такие технологии, как технология распределенных реестров, формируют принципиально

новые общественные отношения, реализуемые по новым правилам, что требует реакции законодателя. Поэтому, по мнению автора, любой регулятор, заинтересованный в эффективности и действенности существующей нормативной правовой базы, должен проверить совместимость новых технологий и лежащих в их основе норм с существующими законами [3, с. 143].

А.А. Алексейчук выделяет четыре подхода государств к регулированию цифровых активов, используемых в качестве финансовых инструментов: 1) распространение на них традиционного регулирования финансовых инструментов; 2) адаптация традиционного регулирования финансовых инструментов к цифровым активам с разработкой дополнительного регулирования и / или созданием «регуляторной песочницы», предполагающей некоторые послабления в регулировании; 3) разработка специального регулирования цифровых активов и отказ от распространения на них традиционного регулирования финансовых инструментов; 4) отказ от регулирования и запрет на применение для привлечения инвестиций технологий, отличных от традиционных финансовых инструментов [1, с. 289]. При этом автор подчеркивает, что цифровые активы являются «новшеством лишь в технологическом смысле, но с точки зрения правовой природы их экономической ценности они почти неотличимы от давно уже используемых в обороте инструментов» (например, бездокументарные ценные бумаги и др.) [там же].

В России правовым ответом на эти вызовы стало закрепление в Гражданском кодексе РФ нового объекта гражданских прав – цифровых прав. Как подчеркивает А.А. Алексейчук, ключевым признаком, отличающим их от любых других объектов, является осуществление и распоряжение ими без обращения к какому-либо третьему лицу [1, с. 293].

Определение, данное в законодательстве, представляет собой общую характеристику цифровых прав, в нем не закреплены их конкретные виды, признаки, содержательное наполнение. В этой связи возникают проблемы отнесения тех или иных объектов к цифровым правам, и, следовательно, проблема правового регулирования отношений, связанных с их применением. В настоящий момент в законодательстве зафиксировано разделение цифровых прав на утилитарные и инвестиционные.

В соответствии с Федеральным законом от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений

в отдельные законодательные акты Российской Федерации», утилитарными цифровыми правами являются обязательственные права, которые изначально возникли в качестве цифрового права на основании договора о приобретении утилитарного цифрового права, заключенного с использованием инвестиционной платформы, в соответствии с правилами указанного закона. Режим утилитарных цифровых прав – это специфический режим осуществления соответствующих «классических» прав применительно к цифровой среде. Посредством утилитарных цифровых прав возможно осуществление инвестиций в различного рода проекты, что является основой для развития технологий и продвижения инновационных процессов развития экономики. Однако, как отмечают Т.А. Степанова и В.Н. Лисица, утилитарные цифровые права вторичны по отношению к материальным объектам гражданских прав, и на них распространяется общее правовое регулирование обязательственных отношений. При этом до сих пор в законодательстве не решен ряд вопросов правового режима утилитарных цифровых прав. Например, могут ли они возникать в отношении материальных объектов, существующих вне информационной системы, возможно ли осуществление права требования относительно имущества, переход права собственности на которое подлежит государственной регистрации, а сделки – нотариальному удостоверению, каким образом будет осуществляться принудительное исполнение обязательства и т.д. [6, с. 302].

Что касается цифровых финансовых активов, то их перечень закреплен в ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 15.12.2025, с изм. от 20.01.2026) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА). Данные права отнесены к инвестиционным цифровым правам, которые не признаются средством платежа. Под *цифровыми финансовыми активами* (далее – ЦФА) понимаются обычные обязательственные права: денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, право участия в капитале непубличного АО, а также право требовать передачи ценных бумаг, однако существующие исключительно в цифровой форме, поскольку они выпускаются, учитываются и обращаются только посредством операций с записями в информационных системах (в том числе на основе распределенного реестра). Их выпуск осуществляется на основе специального решения, принимаемого в соответствии с указанным Федеральным законом.

Таким образом, ЦФА в зависимости от предоставляемых ими прав можно разделить на три группы: цифровые права на денежные требования (аналоги облигаций), права по эмиссионным ценным бумагам и права участников непубличных акционерных обществ. При этом сформировано правовое поле для регулирования криптовалют, которые отнесены к цифровым финансовым активам (п. 3 ст. 1 Закона о ЦФА). Данный нормативный правовой акт не запрещает владение и обращение криптовалют, но категорически исключает использование криптовалют в качестве средства платежа на территории страны. По мнению С.В. Лемайкина, это обусловлено, прежде всего, соображениями финансовой стабильности и противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма [3, с. 144].

Для понимания природы ЦФА важное значение имеют способы защиты прав обладателей ЦФА, которые приведены в ст. 9 Модельного закона. Обладатель ЦФА, из владения которого были цифровые финансовые активы, помимо его воли вправе по своему выбору:

– или предъявить требования о возмещении убытков к оператору информационной системы, в которой были выпущены ЦФА;

– или потребовать от фактического владельца ЦФА возврата такого же количества таких же ЦФА на счет обладателя в информационной системе, а в случае невозможности возврата ЦФА – потребовать взыскания убытков;

– или предъявить требования о возмещении убытков к оператору информационной системы, в которой были выпущены ЦФА;

– или потребовать от фактического владельца ЦФА возврата такого же количества таких же ЦФА на счет обладателя в информационной системе, а в случае невозможности возврата ЦФА – потребовать взыскания убытков.

По сути, в Модельном законе зафиксирован некий аналог истребования имущества из незаконного владения. При этом указано, что ЦФА находятся во владении того лица, на имя которого они записаны. Однако не ясно, в каких случаях может возникнуть невозможность возврата: если у лица имеются ЦФА, то он, по всей видимости, может перевести их на счет лица, предъявившего требования, а если их нет – то он не может рассматриваться в качестве «фактического обладателя» [1, с. 290].

Основная роль в регулировании и контроле за использованием ЦФА отведена Банку России, на который возложена обязанность по контролю и надзору за деятельностью российских банков и бирж, желающих работать с ЦФА. В случае, если указанные организации желают осуществлять предпринимательскую деятельность, связанную с оборотом ЦФА, они должны пройти обязательную регистрацию в ЦБ РФ и получить статус оператора ЦФА. Регистрация включает в себя строгую проверку соответствия деятельности установленным нормативным требованиям, включая прозрачность операций, безопасность хранения цифровых активов и предотвращение мошенничества. ЦБ РФ также ведет государственный реестр информационных систем, используемых для работы с ЦФА, обеспечивая прозрачность и контроль над рынком. Этот реестр содержит информацию о всех зарегистрированных операторах, используемых технологиях и проводимых операциях.

В рамках своих полномочий Банк России сформировал необходимый массив подзаконных правовых актов, детально регламентирующих выпуск и оборот ЦФА. При этом, учитывая продолжающееся технологическое развитие, эта правовая база должна быть достаточно гибкой и оперативно реагировать на появление новых цифровых активов или общественных отношений, поскольку в современных условиях зачастую владельцы информационных систем начинают устанавливать собственные правила, что исследователи называют «приватизацией права», указывая, что акты оператора и эмитента «предопределяют содержание договора, заключаемого между ними и пользователями информационной системы – потенциальными участниками оборота ЦФА». Сущность ЦФА и объем прав, возникающих на них, могут существенно различаться применительно к каждому конкретному выпуску ЦФА [1, с. 293]. Поэтому, как подчеркивает С.В. Лемайкина, Закон о ЦФА является развивающимся нормативным актом, который может претерпевать изменения и дополнения с учетом развития технологий и практики использования ЦФА [3, с. 145].

Цифровые финансовые активы как инновационный инструмент государственного регулирования традиционных финансовых активов

В современной юридической практике возникло такое явление, как «регуляторный арбитраж». Это стратегия, при которой участники рынка используют различия в регулировании между

юрисдикциями для получения финансовой выгоды. Это может включать в себя перемещение активов, изменение юридической структуры или выбор определенной формы ведения бизнеса для минимизации налогов, снижения регуляторной нагрузки или получения других преимуществ. Развитие рынков цифровых активов многократно увеличило возможности по реализации указанной бизнес-стратегии. Так, например, компания, зарабатывающая на торговле криптовалютами, может зарегистрироваться в юрисдикции с наиболее благоприятным регулированием, например в Сингапуре или на Мальте, но при этом обслуживать клиентов по всему миру.

На уровне государства данная стратегия может заключаться в предоставлении участникам рынка возможности выбора между различными правовыми режимами традиционных активов, в зависимости от того, в какой форме они существуют. Так, по мнению А.А. Алексейчука, причиной создания законодателем режима ЦФА является не столько необходимость регулирования нового для экономики явления, сколько желание создать ситуацию для регуляторного арбитража в рамках российской юрисдикции для традиционных финансовых и инвестиционных инструментов. На это косвенно указывают участники рынка. Такой подход к регулированию ЦФА позволяет, с одной стороны, защитить традиционный рынок ценных бумаг от влияния нового регулирования и не подорвать ожидания инвесторов на этом рынке. С другой – стимулировать развитие альтернативного рынка финансовых инструментов. При этом законодательство разрешает частным субъектам – операторам информационных систем – детализировать и конкретизировать регулирование в утвержденных ими правилах [1, с. 298].

Иными словами, законодатель *de facto* создает экспериментальный правовой режим для ценных бумаг в рамках действующего законодательства. Параллельно с существующим режимом бездокументарных ценных бумаг создается альтернативный режим для того же самого объекта. В рамках альтернативного режима можно позволить экспериментировать с регулированием и давать большую свободу эмитентам и операторам информационных систем, не опасаясь, что регулирование и практика правоприменения в отношении классических бездокументарных ценных бумаг повлияет на рынок альтернативных ценных бумаг, и наоборот. Таким образом, созданы две параллельных системы регулирования идентичных по своей сущности объектов:

– система оборота бездокументарных ценных бумаг, существующая по традиционным правилам, с требованиями об обязательном раскрытии информации эмитентов ценных бумаг, страховании рисков, регистрацией эмиссии и иными;

– система оборота ЦФА, более гибкая и позволяющая экспериментировать с регулированием [1, с. 299].

С учетом вышеизложенного А.А. Алексейчук считает, что нет оснований рассматривать ЦФА в качестве самостоятельного объекта гражданских прав. Объекты, признаваемые в качестве ЦФА в соответствии с законом, могут иметь принципиально различную природу, некоторые из них могут являться криптоактивами в том понимании, а некоторые – нет. Режим каждого выпуска ЦФА, порядок их обращения и совершения сделок с ними, определяются в конечном итоге правилами оператора информационной системы, в которой выпущен ЦФА, и решением о выпуске [там же].

Заключение

Результаты исследования показали, что тема правового регулирования цифровых финансовых активов находится в центре внимания российских ученых. На основе Закона о ЦФА, предмет регулирования которого являются отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении ЦФА, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется их выпуск, и оператора обмена такими активами, ученые в своих научных трудах изучают цифровые финансовые активы как объект гражданских прав, оборотоспособность виртуальных активов в современных условиях, анализируют существенные характеристики криптовалюты, токенов, цифровых денег. Их точки зрения на эти типы активов кратко изложены в данном обзоре. Исследователи также отмечают, что введение нового объекта гражданских прав – цифровых прав, наряду с традиционными объектами гражданских прав, стало причиной многочисленных дискуссий и, как следствие, проблем, возникающих в судебной практике в условиях цифровой реальности.

Список литературы

1. Алексейчук А.А. Цифровые финансовые активы как объект гражданских прав // Объекты гражданских прав: юридические исследования в цифровую эпоху / рук. и науч. ред. д-ра юрид. наук М.А. Рожкова. – Москва, 2025. – С. 289–303.